

денных, как правило, не склонны давать изобличающие показания ввиду субъективных обстоятельств, к которым прежде всего следует отнести активное и пассивное противодействие процессу расследования.

Вместе с тем анализ следственной практики показал, что осужденные могут активно давать изобличающие показания в случаях, если сталкиваются интересы противоборствующих неформальных групп осужденных.

Сотрудники исправительного учреждения в некоторых случаях также могут воздерживаться от дачи изобличающих обстоятельств. Речь идет прежде всего о ситуациях, когда показания сотрудника способны закономерно вскрыть недобросовестность исполнения им своих служебных обязанностей либо их превышение.

Высокая степень очевидности пенитенциарных преступлений, безусловно, является благоприятным фактором для процесса расследования таких преступлений. Вместе с тем велико влияние неблагоприятных факторов, которые затрудняют процесс получения доказательственной информации из тех источников, которые с высокой степенью вероятности могут присутствовать в исправительном учреждении. Безусловно, следователь (дознатель) должен быть заинтересован в преодолении такого противодействия, однако самостоятельно осуществить это практически невозможно. Для этого требуется владение оперативной обстановкой в исправительном учреждении, понимание тех процессов, которые происходят на момент расследования в среде осужденных, и т. д. Таким образом, очевидна необходимость взаимодействия следователя (дознателя) с оперуполномоченными и другими сотрудниками исправительного учреждения, владеющими подобной ориентирующей информацией.

1. Фомин Ю.С. Проблемы расследования преступлений, совершенных в условиях исправительных учреждений, в современных условиях // Вестн. Перм. ун-та. 2012. № 4.

2. Кутуков С.А., Смирнов С.Н. Документирование преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы: проблемы законодательства и практики // Юрид. вестн. Дагестан. гос. ун-та. 2018. № 1.

3. Кутуков С.А., Смирнов С.Н. Использование систем видеонаблюдения оперативными аппаратами исправительных учреждений для предупреждения и раскрытия преступлений: вопросы теории и практики // Человек: преступление и наказание. 2017. № 2.

4. Белкин В.Ю. Технические средства надзора в исправительных учреждениях ФСИН России: правовые и организационные аспекты их использования // Ведомости уголов.-исполн. системы. 2015. № 5.

ВОЗМОЖНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО КОНТРОЛЯ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Чипы-имплантаты стали разрабатываться со второй половины XX в. Первоначальным направлением данных технологий являлся дистанционный контроль за местонахождением домашних животных. Затем они стали применяться с целью оказания медицинской помощи больным людям.

Позже спектр применения подкожных чипов в мире существенно расширился, и их начали активно применять не только в медицинских целях. Так, Бразилия стала одной из первых стран в мире, где чип вживили под кожу здорового человека. Это были дети, которым имплантировали радиомаяки для того, чтобы было легче их найти в случае, если их похитят или они потеряются.

В 2003 г. в Мексике началась масштабная чипизация, в результате чего сегодня в этой стране десятки тысяч человек носят в своем теле чипы. При этом они настолько популярны в этом государстве, что в 2004 г. чипы были вживлены даже генеральному прокурору Мексики и 160 работникам прокуратуры.

Не отстают и страны Европы. Например, в 2015 г. шведская компания Ericenter вживила под кожу своим 400 сотрудникам электронные чипы. Теперь с их помощью сотрудники фирмы открывают двери, пользуются ксероксом, получают доступ к компьютеру, архивным документам и т. д. А с 2018 г. шведы стали массово вживлять под кожу RFID-чипы, так как полагают, что это значительно упрощает их повседневную жизнь.

Операции по вживлению чипа проводятся учеными из Лундского университета, которые считают, что к середине века все население Швеции полностью перейдет на RFID-чипы и Швеция станет первым в мире полностью цифровым государством.

Работы в этом направлении активно ведутся и в России, о чем свидетельствует приказ Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации от 7 августа 2007 г. № 311 «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 года», согласно которому в ближайшем будущем всем жителям России планируется вживление электронных устройств многофункционального назначения, т. е., иными словами, чипов.

Эти примеры, а их в мире накопилось сегодня достаточно много, свидетельствуют, что, хотим мы этого или нет, со временем гражданское

общество постепенно будет трансформироваться в цифровое общество, а его члены – в электронное общество. Как отмечает И.А. Бронников, электронное гражданское общество будет вводиться не законом, оно будет формироваться спонтанно по мере становления сетевых отношений между государством и обществом (см.: Бронников И.А. Метаморфозы гражданского общества. Polit Book. 2012. № 2. С. 77–99).

Как видим, массовая чипизация населения – неотвратимая реальность будущего, даже если для этого человечеству потребуется пожертвовать своими определенными правами и свободами. Вопрос лишь во времени.

В связи с чем уже сегодня криминологи должны быть готовы к такому сценарию развития процесса чипизации населения и задуматься о путях трансформации уникального антикриминального потенциала чипирования в систему контроля над преступностью.

Одним из вариантов такой трансформации могло бы стать создание системы дистанционного контроля над преступностью (ДКП), программа которой будет базироваться на чипе глобального позиционирования (маячке), имплантированном в тело человека или фиксированном на поверхности его тела.

Социально-правовая потребность перевода правоохранительных органов, осуществляющих повседневную борьбу с преступностью, на рельсы ДКП продиктована нарастающим ухудшением криминогенной ситуации во многих странах мира, в том числе в некоторых странах СНГ (Республика Беларусь в этом вопросе – исключение среди государств постсоветского пространства (здесь за последние 10 лет преступность снизилась более чем в два раза: с 180 427 в 2007 г. до 86 326 в 2017 г.)).

Как показывают ежегодные отчеты Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, за последние 20 лет в динамике и структуре преступности произошли глубинные изменения. Во многих странах она стала качественно более опасной, а количественно в ней преобладают насильственные и корыстные преступления.

С каждым годом в мире высокими темпами растут незаконный оборот наркотиков и киберпреступность, торговля людьми и оружием. Особую угрозу представляют широкая география и возрастающая амплитуда террористических актов, которые в последние годы буквально сотрясают мир.

Угрожающий характер приобрела коррупция, проникшая сегодня во все сферы общества, трансформировавшаяся в общемировую пандемию, ставшая для ряда стран серьезной угрозой их национальной безопасности, в результате чего в них возникла реальная опасность превратиться из криминализованного общества в криминальное (например, Колумбия, Афганистан и т. д.).

В то же время система противодействия преступности во многих странах все чаще дает сбой, не справляется с новыми ее вызовами, подошла к барьеру своих возможностей, в силу чего люди разуверились в способности государства контролировать преступность. Отсюда проистекает одна из причин углубления в обществе синдрома привыкания к преступности.

Все это свидетельствует, что существующие тактические, криминалистические, уголовно-процессуальные, оперативно-розыскные рычаги воздействия на криминал не в состоянии в полной мере отвечать на современные вызовы в сфере борьбы с преступностью.

В то же время экспертные оценки показывают, что внедрение в практику деятельности правоохранительных органов системы ДКП позволит реализовать принцип неотвратимости ответственности в полной мере, о котором с древних времен мечтали великие умы человечества.

Наряду с этим ее применение способно в короткие сроки ощутимо подавить преступность, загнать ее в социально терпимые рамки (естественно, в рамках закона и процедур правосудия) как в национальном, так и глобальном масштабах, снизить как минимум на 30–35 % количество ежегодно совершаемых преступлений, а их раскрываемость повысить до 95–98 %.

Все это станет реальностью благодаря уникальным возможностям системы ДКП выявлять и отслеживать в режиме онлайн точное местонахождение лица, совершившего преступление в условиях неочевидности, укрывающегося (уклоняющегося) от следствия и суда, совершившего побег из места предварительного заключения (колонии), находящегося в розыске и т. д.

Система ДКП может стать и эффективным средством для сокращения числа совершаемых в обществе преступлений, устранения причин сокрытия преступлений от учета, уменьшения удельного веса ранее судимых в обществе, контроля за передвижением условно-осужденного, условно-освобожденного, обнаружения людей, оказавшихся под завалами в результате техногенных аварий или природных катастроф, поиска потерявшихся или сбежавших из дому детей и т. д.

Запуск системы ДКП позволит также в режиме онлайн идентифицировать неопознанный труп со следами насильственной смерти, установить место захоронения трупа жертвы преступления, воссоздать местоположение участников криминального конфликта в момент совершения преступления, восстановить маршрут движения участника преступления (подозреваемого, обвиняемого, их соучастников, жертвы преступления и т. д.) до или после его совершения.

Система ДКП обладает и социально-психологическим эффектом. Так, сам факт нахождения чипа в (на) теле и широкая информирован-

ность населения о потенциальных возможностях системы ДКП будут подсознательно приучать граждан к самоконтролю, подталкивать носителя чипа быть более осмотрительным в своих поступках, не допуская их перерастания в правонарушение; удерживать неустойчивых лиц от совершения правонарушений и т. д., развеивая миф о возможности остаться безнаказанным за совершенное преступление и т. д.

ДКП обладает и другими несомненными позитивными свойствами. Например, внедрение системы ДКП в деятельность правоохранительных органов позволит снизить загруженность следственных изоляторов и пенитенциарных учреждений; сократить численность личного состава правоохранительных органов, количество уголовных дел, находящихся в производстве следователей и судей, и т. д.

Невзирая на очевидность неограниченных возможностей глобальной системы ДКП, эта проблема по сей день находится на эмбриональном уровне, хотя за ней большое будущее.

Естественно, сегодня сама постановка этой проблемы а priori отторгается нашим традиционным мировоззрением, поскольку кажется фантомной. Тем не менее при ближайшем рассмотрении концептуального ядра этой идеи становится ясно, что она вполне реальная проблема завтрашнего дня науки, в силу чего уже сегодня заслуживает пристального внимания криминологов.

Однако, учитывая, что большинство людей отторгают идею тотальной чипизации, на стартовом этапе можно было бы обсудить вопрос о допустимости избирательного метода чипирования.

Так, для усиления борьбы с рецидивной преступностью, установления жесткого контроля за ранее судимыми, условно-осужденными, условно-освобожденными и др. можно было бы принять решение о чипировании этой категории лиц.

В этом случае лишь с большой натяжкой можно будет говорить о нарушении конституционных прав данных лиц, так как они сами поставили себя вне закона, совершая умышленные преступления, в силу чего общество вправе предпринять различные превентивные меры для предупреждения с их стороны рецидива.

Например, во многих странах мира осужденных за педофилию подвергают химической или хирургической кастрации (США, Великобритания, Германия, большинство стран Западной Европы, Израиль, Казахстан, Чехия и т. д.). Полагаем, что чипирование куда более гуманный акт, чем химическая, а тем более хирургическая кастрация.

Если мировое сообщество сочтет недопустимым ни всеобщую, ни избирательную чипизацию населения, то можно задействовать другой альтернативный вариант внедрения глобальной системы ДКП, направленный

на усиление борьбы с незаконным оборотом наркотиков, ядерных, химических, биологических и других видов оружия массового поражения.

Так, накопленный опыт борьбы с незаконным оборотом вышеуказанных средств показывает, что перемещение такой «продукции» чаще всего осуществляется при помощи транспорта – автомобильного, водного, воздушного или железнодорожного.

Если эти виды транспорта оборудовать специальными чипами, то система ДКП способна выявлять и отслеживать в режиме онлайн точное местонахождение лица (транспорта), перемещающего наркотики, взрывчатые, химические и другие средства массового поражения.

При этом экранизировать, заглушить, удалить, уничтожить и т. д. такие чипы будет невозможно, так как в этом случае в центр ДКП поступит от них сигнал SOS, на основе которого к этому транспорту будет направлен отряд быстрого реагирования.

Наконец, если все предложенные выше варианты будут признаны неприемлемыми, то целесообразно начать комплексные фундаментальные исследования, нацеленные на выявление в генетическом потенциале Homo sapiens биологического аутентификатора дистанционного позиционирования.

Сегодня, учитывая достижения науки, с высокой долей вероятности можно сказать, что каждый человек обладает рецептором глобального позиционирования. Он, как и отпечатки пальцев, радужная оболочка глаза и т. д., является фенотипической особенностью человека.

Например, общеизвестно, что с древних времен существует мысленная связь между людьми, животными, некоторыми видами насекомых и растений.

Это настолько очевидно, что не требует особых доказательств. Следовательно, нельзя исключать, что у каждого Homo sapiens существует не установленный пока наукой природный рецептор, выполняющий функции глобального позиционирования, сигналы которого обладают статичной индивидуальностью, в силу чего частота волн, исходящих от него, содержит кодовый знак, присущий только этому человеку, который не меняется с возрастом, перенесенными заболеваниями, физическими дефектами или психическими недостатками и т. д.

Современная наука пока не в силах распознать этот феномен в конституции Homo sapiens. Однако нельзя исключать, что наступит время, когда станет возможным не только распознавание такого биочипа, но и создание синтезатора, способного преобразовывать электромагнитные поля, исходящие от такого рецептора, в радиочастотные сигналы.

Но это дело будущего. В настоящее время можно было бы реализовать один из вариантов предложенных выше моделей глобальной системы ДКП.

Несомненно, концепция ДКП содержит в себе и ряд издержек, без устранения которых сложно вести речь о ее внедрении в деятельность правоохранительных органов даже в отдаленном будущем.

Однако здравый смысл подсказывает, что пройдет время, мало или много – это непринципиально, и человечество устранил эти издержки, после чего станет возможным создание глобальной электронной системы ДКП, которая в состоянии во многом изменить мир к лучшему, сделать его более свободным от преступных посягательств.

УДК 343.9

Д.В. Алымов, В.А. Левченкова

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Высокая активность внедрения современных информационно-компьютерных технологий в криминалистическую деятельность и освоения их отдельными преступниками, а также преступными группами и сообществами существенно изменили современные подходы к исследованию самой науки криминалистики и отдельных ее разделов. В современной криминалистической науке все чаще обсуждается вопрос о виртуальных последствиях преступного события, а также о способах познания закономерностей механизма преступлений с использованием компьютерной техники и информационных технологий.

Традиционные методы познания преступной деятельности на основе метода материалистической диалектики постепенно вытесняются работками в области исследования специфической формы объективной действительности, именуемой виртуальным пространством, статус которого криминалистической и уголовно-процессуальной наукой и практикой до сих пор однозначно не определен. Причиной этому, на наш взгляд, является отсутствие системного подхода к изучению особенностей виртуального пространства и процессов, которые в нем протекают.

В первую очередь пристальное внимание следует уделить общетеоретическим и методологическим основам криминалистики, важными элементами которых являются предмет криминалистики, методы криминалистики, а также система частных криминалистических теорий.

Современные научные подходы к изучению предмета криминалистики сводятся к поиску возможностей его расширения. Однако многие научные труды или отдельные высказывания ученых по данному вопро-

су ориентированы в основном на включение в предмет криминалистики тех закономерностей, которые не просто расширяют его познавательные границы, но и способствуют искажению служебной роли науки криминалистики как средства борьбы с преступностью.

По нашему мнению, в вопросе о некоей «реконструкции» предмета криминалистики следует учитывать современные условия развития и функционирования преступности, использование преступными элементами возможностей виртуальной среды и средств информационно-компьютерной коммуникации для достижения преступного результата. Поэтому все элементы предмета криминалистики должны оставаться традиционными, но их содержание необходимо дополнить отдельными элементами познавательной деятельности, позволяющими системно подойти к решению задач борьбы с преступностью с учетом бурного развития информационно-коммуникационной среды.

Принципиально новый подход к изучению закономерностей предмета криминалистики с учетом развития новых информационных технологий может способствовать пересмотру и дополнению системы частных криминалистических теорий.

В связи с чем следует согласиться с Е.Р. Россинской, которая предлагает разработать новую частную криминалистическую теорию – теорию информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. По ее мнению, данная частная теория должна объединять криминалистическое исследование компьютерных средств и систем; рассмотрение в криминалистической тактике особенностей тактики и технологии производства следственных действий, направленных на получение криминалистически значимой компьютерной информации, и служить базой для разработки методики расследования компьютерных преступлений [1, с. 110].

Из анализа учебной литературы по криминалистике следует, что вопросам теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности уделяется крайне мало внимания.

В связи с этим возникает необходимость концептуальных и прикладных исследований в области информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Ученые-криминалисты должны всячески способствовать созданию принципиально новой научной парадигмы, ориентированной на системное изучение закономерностей криминальной деятельности и деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений в рассматриваемой области знания.

Изменения, связанные с освоением виртуального пространства, должны затронуть структурные элементы не только общетеоретических и методологических основ криминалистики, но и поисково-идентификационной деятельности и трасологической идентификации в криминалистике.